

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Дж. И. Линь¹

Пекинский университет (Пекин, Китай)

Ц. Чжан²

Пекинский университет (Пекин, Китай)

Ю. Лю³

Пекинский университет (Пекин, Китай)

УДК: 338.24.021.8, 338.22.0, 338.22.021.1, 330.341.2, 330.341, 330.34.014.2

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-4

СТРАТЕГИИ И ИНСТИТУТЫ: ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ УСПЕХ ИЛИ НЕУДАЧУ РАЗВИТИЯ⁴

Погоня за динамичным и инклюзивным экономическим развитием является общей целью для стран всего мира. Лауреаты Нобелевской премии по экономике 2024 г. — Аджемоглу, Джонсон и Робинсон — выдвинули гипотезу, что институты являются эндогенными и представляют собой фундаментальный фактор успеха или неудачи развития. Однако авторы полагают, что их гипотеза не согласуется с кросс-секционными и историческими данными. В данной статье на основе подхода новой структурной экономики утверждается: стратегия развития, соответствующая сравнительным преимуществам, является ключом к динамичному росту экономики и справедливому распределению доходов. Институты, включая такие аспекты, как коррупция, открытость и риск экспроприации, сами по себе являются эндогенными в зависимости от выбранной стратегии развития. Данное положение подтверждается кросс-страновой эмпирической доказательной базой. Наконец, в статье отмечается, что для правительства развивающейся страны принятие стратегии развития, опирающейся на сравнительные преимущества, более целесообразно в качестве руководства

¹ Линь Джастин Ифу — декан Института новой структурной экономики, Пекинский университет; e-mail: justinlin@nsd.pku.edu.cn.

² Чжан Цзытун — постдокторант, Институт новой структурной экономики, Пекинский университет; e-mail: zitongzhang@nsd.pku.edu.cn, ORCID: 0009-0007-7702-0017.

³ Лю Юйсюань — аспирант, Институт новой структурной экономики, Пекинский университет; e-mail: liuyuxuan@nsd.pku.edu.cn.

⁴ Настоящая работа является переводом статьи: Lin, J. Y., Zhang, Z., & Liu, Y. (2025). Institution vs. strategy: the determinant of development success or failure. *China Economic Journal*, 18(2), 157–185. <https://doi.org/10.1080/17538963.2025.2489877>. Перевод публикуется с любезного разрешения *China Economic Journal*.

© Линь Джастин Ифу, 2025

© Чжан Цзытун, 2025

© Лю Юйсюань, 2025

экономическим развитием, чем внедрение «инклюзивных институтов», предложенных Аджемоглу, Джонсоном и Робинсоном, поскольку экзогенно навязанные институты вряд ли будут эффективными.

Ключевые слова: экономическое развитие, институты, стратегия развития, новая структурная экономика.

Цитировать статью: Линь, Дж. И., Чжан, Ц., & Лю, Ю. (2025). Стратегии и институты: фактор, определяющий успех или неудачу развития. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(4), 45–85. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-4>.

J. Y. Lin

Peking University (Beijing, China)

Z. Zhang

Peking University (Beijing, China)

Y. Liu

Peking University (Beijing, China)

JEL: A13, D11-12, M31

INSTITUTION VS. STRATEGY: THE DETERMINANT OF DEVELOPMENT SUCCESS OR FAILURE⁵

The pursuit of dynamic and inclusive economic development is a common goal for countries worldwide. The 2024 Nobel laureates in Economics, Acemoglu, Johnson, and Robinson, posited that institutions are endogenous and are the fundamental determinant of development success or failure. However, the authors argue that their hypothesis does not align with cross-sectional and historical evidence. From the perspective of New Structural Economics, this paper contends that a comparative-advantage-following development strategy is the key to an economy's dynamic growth and equitable income distribution. Institutions, including aspects such as corruption, openness, and expropriation risks, are themselves endogenous to the choice of development strategies. The authors' proposition is supported by cross-country empirical evidence. Finally, the paper points out that for a developing country's government, adopting a comparative-advantage-following development strategy is more conducive to guiding the country's economic development than adopting an inclusive institution as proposed by Acemoglu, Johnson, and Robinson. This is because an exogenously imposed institution is unlikely to be effective.

Keywords: development economics, institutions, developmental strategy, new structural economics.

⁵ This article is a translation of: Lin, J. Y., Zhang, Z., & Liu, Y. (2025). Institution vs. strategy: the determinant of development success or failure. *China Economic Journal*, 18(2), 157–185. <https://doi.org/10.1080/17538963.2025.2489877>. Published with the kind permission of China Economic Journal.

Введение

Экономическое процветание — общее стремление всего человечества. С тех пор, как Адам Смит опубликовал «Богатство народов» в 1776 г., тем самым положив начало экономической теории как самостоятельной дисциплине, вопрос о том, что определяет успех или неудачу экономического развития страны, стал одним из фундаментальных вопросов экономических исследований. Даже сегодня экономисты не достигли консенсуса по этому вопросу. Ранние экономисты-классики объясняли экономический рост такими факторами, как рост населения, разделение труда и международная торговля. После 1950-х гг., с созданием и широким распространением неоклассической модели экономического роста, накопление капитала и технический прогресс стали рассматриваться как его основные движущие силы. Предсказывалось, что из-за снижения предельной доходности капитала уровень доходов в разных странах постепенно выровняется.

Однако при изучении эмпирических данных об экономическом росте стран после Второй мировой войны становится очевидным, что разрыв между бедными и богатыми странами не сократился; напротив, он демонстрирует тенденцию к увеличению. На рис. 1 показано изменение с течением времени доли стран, находящихся на разных стадиях развития. Стадия развития измеряется соотношением ВВП на душу населения к подушевому ВВП США. В частности, основываясь на соотношении ВВП на душу населения (в постоянных ценах 2015 г.) к уровню США, мы разделяем мировые экономики на пять групп, как показано на рис. 1. С 1960 по 2023 г. общие пропорции каждой группы оставались относительно стабильными. В верхней части диапазона доля экономик с ВВП на душу населения, превышающим 70% от США, в целом снижалась, начиная с 1980-х гг. В нижней части диапазона доля экономик с ВВП на душу населения, составляющим 10% или менее от уровня США, стабильно держалась на уровне около 50%. Более того, более 70% экономик мира устойчиво имели ВВП на душу населения менее 30% от уровня США.

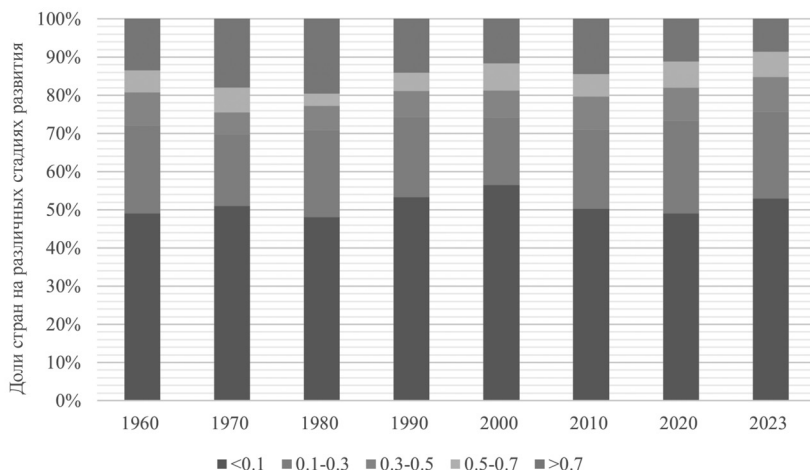

Рис. 1. Распределение стран по уровню (относительного) дохода, 1960–2023 гг., %
 Источник: Всемирный банк.

В табл. 1 и 2 мы дополнительно иллюстрируем показатели разных стран в достижении уровня США по показателю ВВП на душу населения в период с 1960 по 2023 г. В табл. 1 представлены страны, которые сократили разрыв с США более чем на 10 процентных пунктов по показателю ВВП на душу населения за этот период. Из 29 стран только Китай, Южная Корея, Мальдивы и Малайзия изначально находились в группе с самым низким относительным доходом ($<0,1$). Большинство остальных стран были развитыми и ненамного отставали от США. Более тревожная ситуация представлена в табл. 2, которая показывает, что в 26 странах разрыв с США по ВВП на душу населения не просто не сократился, но увеличился более чем на 10 процентных пунктов. Многие из них являются странами со средним уровнем дохода. Фактически, если рассмотреть 105 экономик, ВВП на душу населения которых изначально составлял 10% или менее от подушевого ВВП США в период с 1960 по 2023 г., то 58 из них столкнулись с дальнейшим снижением ВВП на душу населения по сравнению с США (рис. 2). Это свидетельствует о том, что после Второй мировой войны большинство развивающихся стран остаются в ловушке бедности или среднего уровня дохода.

**Успешные случаи догоняющего развития
(экономики с ростом относительного ВВП на душу населения
более чем на 0,10 по сравнению с Соединенными Штатами)**

Экономика	Начальный год	Конечный год	Начальный	Конечный	Изменение
Китай	1960	2023	0.01	0.19	0.17
Южная Корея	1960	2023	0.05	0.52	0.47
Мальдивы	1970	2023	0.06	0.18	0.12
Малайзия	1960	2023	0.07	0.18	0.11
Венгрия	1960	2023	0.11	0.25	0.14
Оман	1965	2023	0.12	0.29	0.17
Мальта	1970	2023	0.12	0.48	0.36
Польша	1990	2023	0.13	0.27	0.14
Гайана	1960	2023	0.14	0.36	0.22
Панама	1960	2023	0.14	0.25	0.11
Сент-Китс и Невис	1977	2023	0.15	0.33	0.18
Сингапур	1960	2023	0.19	1.01	0.82
Гонконг (САР Китая)	1961	2023	0.21	0.67	0.46
Португалия	1960	2023	0.21	0.34	0.13
Кипр	1975	2023	0.23	0.47	0.25
Испания	1960	2023	0.33	0.43	0.10
Пуэрто-Рико	1960	2023	0.33	0.46	0.13
Япония	1960	2023	0.34	0.57	0.23
Ирландия	1960	2023	0.44	1.41	0.97
Израиль	1960	2023	0.46	0.66	0.20
Остров Мэн	1984	2021	0.54	1.43	0.89
Финляндия	1960	2023	0.59	0.71	0.12
Гренландия	2008	2021	0.61	0.77	0.16
Исландия	1960	2023	0.71	0.90	0.19

Экономика	Начальный год	Конечный год	Начальный	Конечный	Изменение
Макао (САР Китая)	1982	2023	0.74	0.89	0.15
Фарерские острова	2008	2022	0.83	0.94	0.10
Норвегия	1960	2023	1.01	1.21	0.20
Люксембург	1960	2023	1.47	1.63	0.16
Монако	1970	2022	2.88	3.59	0.71

Примечание: Большая часть данных начинается в 1960 г. и заканчивается в 2023 г. В противном случае мы вычисляем начальную долю как можно раньше, а конечную — как можно позже.

Источник: Всемирный банк.

Таблица 2

**Страны, отставшие еще больше
(страны, в которых относительный ВВП на душу населения
сократился на 0,10 или более по сравнению с США)**

Экономика	Начальный год	Конечный год	Начальный	Конечный	Изменение
Либерия	1960	2023	0.13	0.01	-0.12
Южная Африка	1960	2023	0.21	0.09	-0.12
Аргентина	1960	2023	0.39	0.19	-0.20
Северные Марианские острова	2002	2020	0.43	0.25	-0.18
Кюрасао	2000	2022	0.44	0.27	-0.17
Саудовская Аравия	1960	2023	0.47	0.32	-0.14
Острова Теркс и Кайкос	2009	2023	0.47	0.31	-0.16
Палау	1970	2023	0.51	0.19	-0.32
Бахрейн	1970	2023	0.66	0.38	-0.28
Сент-Мартен (автономия в составе Королевства Нидерландов)	1960	2023	0.71	0.53	-0.18

Экономика	Начальный год	Конечный год	Начальный	Конечный	Изменение
Канада	1960	2023	0.81	0.68	-0.13
Виргинские острова (США)	2011	2021	0.88	0.59	-0.29
Новая Зеландия	1960	2023	0.94	0.64	-0.29
Французская Полинезия	1965	2022	0.98	0.30	-0.67
Багамы	1960	2023	1.01	0.46	-0.54
Австралия	1960	2023	1.05	0.94	-0.10
Сан-Марино	1997	2021	1.11	0.72	-0.38
Науру	1970	2023	1.13	0.12	-1.01
Бруней-Даруссалам	1974	2023	1.57	0.45	-1.12
Андорра	1970	2023	1.71	0.62	-1.10
Каймановы острова	2006	2022	1.79	1.30	-0.49
ОАЭ	1970	2023	1.87	0.72	-1.15
Бермуды	1960	2022	2.00	1.76	-0.23
Швейцария	1960	2023	2.10	1.38	-0.72
Кувейт	1970	2023	2.74	0.42	-2.32
Катар	1970	2022	2.96	1.00	-1.97

Примечание: Большая часть данных начинается в 1960 г. и заканчивается в 2023 г. В противном случае мы вычисляем начальную долю как можно раньше, а конечную — как можно позже.

Источник: Всемирный банк.

Учитывая различия в показателях развития разных стран и расхождения между реальностью и теорией, некоторые ученые, например, Дуглас К. Норт и Роберт П. Томас (North, Thomas, 1973), Аджемоглу и др. (Acemoglu et al., 2008), подчеркивали значение институтов и пытались объяснить расхождения в показателях развития различиями в институциональных системах этих стран. Они утверждали, что страны с более совершенными институтами, более защищенными правами собственности и менее деформирующей политикой, как правило, больше инвестируют

в физический и человеческий капитал и могут эффективнее использовать факторы производства, тем самым достигая более высоких уровней экономического развития. Экономические исследования, посвященные институтам и относящиеся к направлению, известному как «новая институциональная экономика», во многом основаны на трудах Коуза, Уильямсона и Норта. Коуз (Coase, 1937) новаторски ввел понятие транзакционных издержек в аналитическую парадигму экономики, в то время как Уильямсон расширил и углубил теорию Коуза, разработав подход к анализу институтов (Williamson, 2000). В рамках этой концепции значительная часть исследований в рамках новой институциональной экономики представляет собой анализ институциональной среды (формальных правил, таких как политические системы и правосудие) и управления (конкретного обеспечения соблюдения правил). Норт (North, Thomas, 1973; North, 1990; North, 2005) расширил эту перспективу до макроуровня, связав институты с экономическим ростом и исследовав их эндогенные детерминанты.

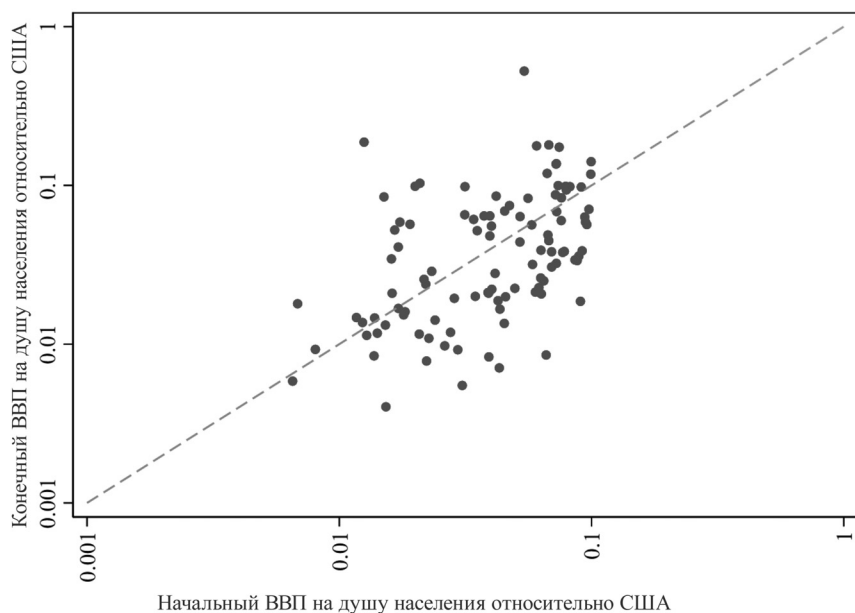

Рис. 2. Начальный и конечный ВВП на душу населения по сравнению с США в 1960–2023 гг.

Источник: Всемирный банк.

Несомненно, институты важны. Именно потому, что новая институциональная экономика включает роль институтов в изучение мейнстрима

экономической теории, она расширила ее исследовательскую парадигму. К 2023 г. четыре лауреата Нобелевской премии по экономике — Коуз, Норт, Остром и Уильямсон — были удостоены наград за свой вклад в эту область. Ллойд и Ли (Lloyd, Lee, 2018) обобщили четыре основных подхода в новой институциональной экономике с 2000 г. Первые три фокусируются на роли правовых, политических и культурных институтов в экономике, тогда как четвертый подход подчеркивает вклад Аджемоглу, Робинсона и их соавторов. Их работы представляют собой эмпирические исследования, подчеркивающие связь между «исходными» институтами, созданными в колониальные времена, и долгосрочными экономическими показателями (Acemoglu et al., 2008), и предполагающие, что «экстрактивные» (а не «инклюзивные») институты оказывают долгосрочное негативное воздействие на экономический рост. Но есть и ряд теоретических исследований, в первую очередь изучающих роль политической власти и ее влияние на экономический рост (Acemoglu, Robinson, 2000; Acemoglu et al., 2008; Acemoglu, Robinson, 2006), связывающие демократию с доходом на душу населения и экономическим ростом (Acemoglu et al., 2008; Acemoglu et al., 2014). Именно благодаря этой серии исследований Нобелевская премия по экономике за 2024 г. была вновь присуждена новой институциональной экономике, отметив работу Аджемоглу, Джонсона и Робинсона за их вклад в понимание роли институтов как фундаментального фактора, определяющего успех или неудачу развития страны.

В частности, Аджемоглу и соавторы (Acemoglu et al., 2008) фокусируются на правах частной собственности и ограничениях государственной власти. Они используют «риск экспроприации» в качестве косвенного показателя для измерения риска того, что иностранные частные инвестиции (за исключением внутренних) будут присвоены правительством. Более того, они применяют смертность колонизаторов в колониальный период в качестве инструментальной переменной для оценки институтов в бывших колониальных странах и ее влияния на экономические показатели, а реальный ВВП на душу населения служит прокси для оценки экономических результатов. Авторы утверждают, что различные типы колониальных стратегий привели к появлению различных институтов, которые были сформированы качеством местных условий, в большей или меньшей степени подходящих для создания поселений. В регионах с высокой заболеваемостью и высокой смертностью колонизаторов вероятность создания «экстрактивных» колониальных институтов была выше. Напротив, в регионах с более низкой смертностью среди колонизаторов колониальные институты, имитирующие европейские и делающие упор на защиту прав частной собственности и систему сдержек и противовесов в отношении государственной власти, были более распространены. Даже после того, как эти бывшие колониальные страны обрели политическую независимость, институты колониальной эпохи

продолжали оказывать длительное, зависящее от выбранного пути влияние на современные институты. Экстрактивные институты, возникшие в результате высокой смертности колонизаторов, приводили к ухудшению экономических результатов, в то время как инклюзивные институты, защищающие права собственности, созданные в условиях низкой смертности колонизаторов, приводили к улучшению экономических результатов.

Хотя формирование институтов и их влияние являются важными академическими вопросами, упомянутые теории на самом деле не раскрыли фундаментальные детерминанты формирования институтов и не показали, какие именно институты действительно влияют на экономическое благосостояние. С точки зрения новой структурной экономики⁶, основополагающим фактором, определяющим успех или неудачу экономического развития страны, является соответствие выбранной правительством стратегии развития сравнительным преимуществам, определяемым внутренней структурой обеспеченности факторами производства. Если

⁶ Новая структурная экономика (НЭС), основоположником которой является Джастин Ифу Линь (Lin, 2011a), предлагает применение неоклассического подхода к изучению детерминант и влияния экономической структуры и ее эволюции, которые являются основой современного экономического роста, на развитие экономики. Основная идея новой структурной экономики заключается в том, что экономические структуры, включая структуру технологий и промышленности (определяющую производительность труда), а также физическую и нефизическую инфраструктуру (определяющую транзакционные издержки), являются эндогенными по отношению к структуре эндаументов, которая задана в любой конкретный момент времени и изменяется с течением времени в экономике. Это объясняется тем, что эндаументы и структура эндаументов определяют совокупный бюджет экономики и относительные цены на факторы производства в любой конкретный момент времени. Они, в свою очередь, определяют отрасли, в которых экономика имеет сравнительные преимущества. Когда все отрасли экономики соответствуют ее сравнительным преимуществам, экономика достигает оптимальной для данного конкретного момента времени промышленной структуры. Такая структура позволяет экономике иметь самые низкие издержки на факторы производства как на внутреннем, так и на международном рынках. Рост доходов зависит от повышения производительности труда посредством модернизации промышленной структуры, перехода от ресурсоемких или трудоемких отраслей к более капиталоемким. Это, в свою очередь, зависит от модернизации структуры обеспеченности ресурсами, например, относительного избытка рабочей силы или относительного избытка капитала. По мере модернизации промышленной структуры требуется также совершенствование физической и нематериальной инфраструктуры для снижения транзакционных издержек. НЭС утверждает, что наилучшим способом достижения динамичного роста экономики в любой момент времени является развитие отраслей экономики, соответствующих сравнительным преимуществам, определяемым ее структурой обеспеченности ресурсами на данный момент. Для этого необходим конкурентный рынок, который будет подавать ценовые сигналы, отражающие относительное изобилие факторов производства, направляя технологический и промышленный выбор фирм. Для устранения сбоев рынка при совершенствовании физической и нематериальной инфраструктуры в процессе структурной трансформации требуется активная роль государства (Lin, 2011a).

стратегия правительства заключается в том, чтобы помочь предпринимателям преобразовать скрытые сравнительные преимущества в реальные, преодолевая рыночные сбои в развитии материальной и нематериальной инфраструктуры, экономика будет процветать. И наоборот, если страна примет стратегию развития отраслей, противоречащую сравнительным преимуществам, определяемым ее структурой обеспеченности факторами производства, ее экономика пострадает (Lin, 2003). Как экономические показатели страны, так и ее различные институциональные механизмы являются эндогенными по отношению к выбранной ею стратегии развития (Lin, 2003; Lin, 2009).

В следующем разделе статьи мы рассмотрим литературу и факты, чтобы показать, почему Аджемоглу и др. (Acemoglu et al., 2008) не смогли выявить фундаментальный фактор экономического успеха или неудачи и формирования институтов. В третьем разделе мы объясняем, как действуют стратегии развития, идущие вразрез со сравнительными преимуществами, и стратегии, которые их реализуют, и предлагаем теоретическую основу влияния стратегий развития на национальные экономические показатели. На основе этой концепции в четвертом разделе мы представим предварительные оценки влияния стратегий развития на экономический рост и распределение доходов. Наконец, в заключительном разделе мы обобщим выводы статьи.

Причины несостоятельности книги «Почему одни страны богатые, а другие бедные»

Как уже упоминалось, серия исследований, проведенных Аджемоглу и соавторами и изложенных в их популярной книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные», убедительно показывает важность институтов, однако вследствие ряда причин, представленных ими данных недостаточно для того, чтобы доказать, что институты играют определяющую роль в успехе или неудаче развития страны.

Во-первых, существуют проблемы с их эмпирическими данными. Альбуи (Albouy, 2012) провел всесторонний анализ эмпирической стратегии, использованной в данной работе. Из 64 стран, включенных в выборку, данные о смертности только в 28 странах были получены из местных источников. Для остальных 36 стран авторы вывели показатели смертности в колониальных условиях, основываясь на данных соседних стран со схожей обстановкой в плане заболеваемости. Если бы эти 36 стран были исключены из выборки, корреляция между смертностью в колониях и риском экспроприации значительно снизилась бы. Кроме того, данные о колониальной смертности, используемые авторами, основаны не на смертности реальных европейских колонизаторов, а на показателях смертности местных европейских и американских солдат в XIX в.

В некоторых странах солдаты находились в мирных условиях, в то время как в других они участвовали в боевых действиях, что приводило к более высокому уровню смертности в последних. Если учитывать причины смертности, корреляция между смертностью и риском экспроприации также существенно снизится. Альбуи отмечает, что с учетом этих двух факторов корреляция между смертностью в колониальных условиях и риском экспроприации фактически исчезнет, что приведет к серьезной проблеме со слабой инструментальной переменной и сделает оценки модели нестабильными.

Аджемоглу и соавторы (Acemoglu et al., 2012) ответили на вышеупомянутую критику, приведя многочисленные литературные источники в поддержку своей практики использования статистики соседних стран в качестве заменителей. Поскольку данные для многих латиноамериканских стран были получены из комбинации источников Куртина (Curtin, 1989; Curtin, 1995, Curtin, 1998) и Гутьерреса (Gutierrez, 1986), авторы использовали альтернативные сочетания этих данных для демонстрации надежности своих результатов и приняли показатели смертности британских моряков в Южной Америке в качестве прокси-данных. Однако эти ответы не развеяли сомнения. Литература, на которую ссылаются Аджемоглу и соавторы (Acemoglu et al., 2012), не полностью подтверждает их практику дополнения данных статистикой соседних стран⁷. Независимо от принятого метода комбинирования, использование данных Гутьерреса (Gutierrez, 1986) по-прежнему подвергается критике со стороны Альбуи (Albouy, 2012). Гутьеррес просто сгруппировал различные города Латинской Америки по температуре и предположил, что в странах со схожим температурным режимом наблюдается схожая заболеваемость и, следовательно, схожий уровень смертности, что не является убедительным доказательством. Что касается альтернативного подхода, использующего показатели смертности британских моряков в Южной Америке, о которых сообщал Брайсон (Bryson, 1847), и экстраполирующего показатели смертности солдат на основе соотношения смертности британских моряков и военнослужащих в Средиземном море, о котором сообщал Таллох (Tulloch, 1841), то здесь также есть проблемы. Как отмечал Таллох, британские моряки и солдаты в Средиземноморье были сосредоточены в одних и тех же районах, что позволяло сравнивать показатели смертности от болезней. Однако в Южной Америке британских войск не было, а географическое положение и климат мест дисло-

⁷ Например, согласно Таллоху (Tulloch, 1838), они напрямую использовали данные командования Виндворд и Ливард для дополнения данных по Багамским островам, но Таллох указывает уровень смертности от болезней в 4,1% для темнокожих солдат и моряков на Багамах, тогда как в командовании Виндворд и Ливард уровень смертности от болезней составляет 4,2% для офицеров и 7,85% для армии, что отражает существенное расхождение при сравнении показателей смертности в вооруженных силах.

кации британских моряков и солдат в Вест-Индии и Северной Америке были разными, что делало невозможным прямое сравнение показателей смертности от болезней в этих регионах. Следовательно, нет достаточных оснований использовать соотношение смертности британских моряков и солдат в Средиземноморье для экстраполяции показателей смертности солдат на Южную Америку.

Во-вторых, что еще серьезнее, эта гипотеза не согласуется с историческими данными. Аджемоглу и соавторы (Acemoglu et al., 2001) утверждали, что, поскольку в странах Латинской Америки в период колонизации уровень смертности был выше, чем в странах Северной Америки, в первых развивались хищнические институты, а в других — инклюзивные, что привело к более низким показателям экономического развития в этих странах. Однако в действительности существенной разницы в экономическом развитии между странами Латинской Америки и Северной Америки в течение длительного периода не наблюдалось.

Мэддисон (Maddison, 2006) собрал данные о реальном ВВП (в международных долларах 1990 г.) и численности населения для экономик мира с 1820 по 2001 г. Основываясь на этих данных, мы разделили этот период на пять сегментов: 1820—1870, 1870—1900, 1900—1930, 1930—1960 и 1960—1990 гг.⁸ Затем мы рассчитали среднегодовой совокупный темп роста реального ВВП на душу населения для Северной Америки (США и Канады) и восьми основных стран Латинской Америки (Аргентины, Бразилии, Чили, Колумбии, Мексики, Перу, Уругвая и Венесуэлы⁹) в каждом сегменте. Результаты представлены на рис. 3.

В течение трех периодов, вместе составивших около 100 лет, т.е. 1870—1900, 1900—1930 и 1930—1960 гг., не наблюдалось существенной разницы между Северной Америкой и основными странами Латинской Америки в среднегодовом совокупном темпе роста реального ВВП на душу населения. В начале XX в. средний темп роста основных стран Латинской Америки достигал около 1,6%, что превышало североамериканский уровень,

⁸ В период 1820—1870 гг. данные в основном сегментированы по декадам, но по основным латиноамериканским странам доступны только данные за 1820 и 1870 гг., отсутствуют данные за период 1830—1860 гг. Поэтому мы взяли пятидесятилетний интервал 1820—1870 гг. как первый временной период, а последующие периоды — по 30 лет.

⁹ В работе (Acemoglu et al., 2001) сообщается, что уровень смертности среди европейских поселенцев в США и Канаде составляет 15,0 и 16,1 на 1000 соответственно. Среди восьми основных рассмотренных стран Латинской Америки самые низкие показатели смертности наблюдаются в Аргентине и Чили — 68,9 на 1000, а самые высокие — в Венесуэле — 78,1 на 1000. Остальные страны попадают в диапазон 71,0 на 1000. Примечательно, что даже самые низкие показатели смертности, наблюдаемые в Аргентине и Чили, превосходят показатели США более чем в четыре раза. Согласно теории, выдвинутой Аджемоглу и соавторами, эти страны Латинской Америки, как ожидается, будут демонстрировать заметно более слабые показатели экономического развития в долгосрочной перспективе по сравнению со своими североамериканскими коллегами.

составлявший около 1,4%. Соответственно, различия в показателях экономического развития между двумя регионами в основном проявились в периоды 1820–1870 и 1960–1990 гг., при этом разница в темпах роста составляла приблизительно 1,2 и 0,8 п. п. соответственно.

Как известно, европейская колонизация обеих Америк началась еще в XVI–XVII вв. Если «первоначальные» институты колониального периода были главными факторами долгосрочного экономического развития этих двух типов стран, то трудно объяснить, почему на протяжении почти столетия средние экономические результаты крупнейших стран Латинской Америки были аналогичны показателям Северной Америки, а в течение значительного периода даже превосходили их.

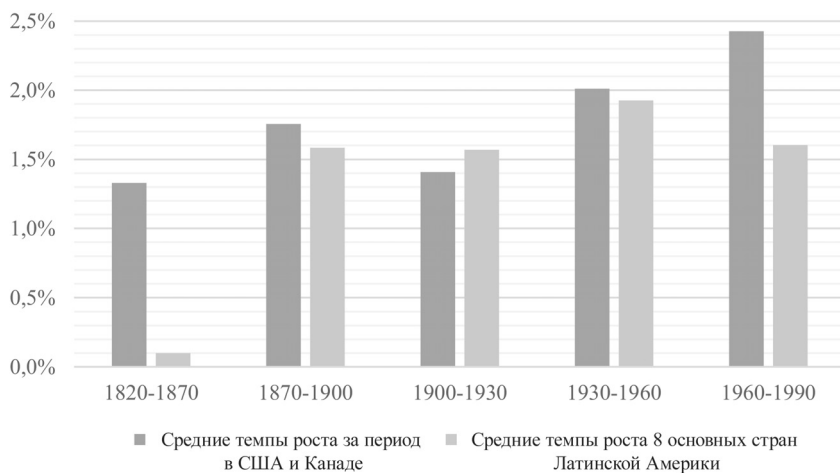

Рис. 3. Темпы роста ВВП на душу населения (в сложных процентах в год) в Северной и Латинской Америке
Источник: (Maddison, 2006).

Эта неоднородность становится еще более выраженной, если мы сосредоточимся на сравнении страновых показателей в динамике. Как показано на рис. 4, иллюстрирующем темпы роста реального ВВП на душу населения (составной годовой темп) для США, Канады, Аргентины и Чили в периодах 1870–1900, 1900–1930, 1930–1960 и 1960–1990 гг., разрыв в экономических результатах Аргентины и Чили по сравнению с североамериканскими странами в основном расширился после 1930-х гг. В конце XIX в. темпы роста доходов в Аргентине были даже значительно выше, чем в странах Северной Америки, при совокупном годовом росте реального ВВП на душу населения в 2,5%. Фактически в то время Аргентина была одной из самых эффективных экономик мира. Это еще раз подтверждает нашу точку зрения, что «первоначальный» колониальный институт

не является главным фактором, определяющим долгосрочные результаты экономического развития страны.

В-третьих, они неверно поняли фундаментальные факторы, определяющие динамику развития. В конце XIX — начале XX в. латиноамериканские страны, такие как Аргентина и Чили, в основном ориентировались на земельно- и ресурсозатратные отрасли — сельское хозяйство и добычу полезных ископаемых, и в то время демонстрировали относительно хорошие результаты. Однако они так и не смогли развить обрабатывающую промышленность, начиная с трудоемкого производства, как это в самом начале сделали США по инициативе Александра Гамильтона. Когда в 1930-е гг. их настигла Великая депрессия, латиноамериканские государства понесли значительные убытки из-за неэластичного предложения ресурсной продукции, вследствие чего цены на их продукцию падали гораздо более резко, чем цены на промышленные товары.

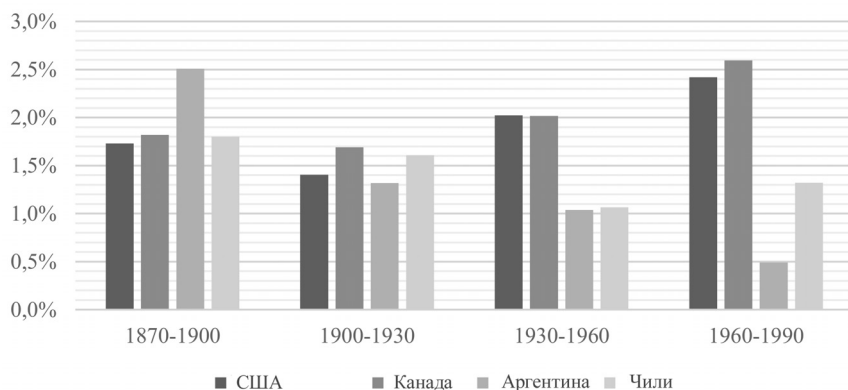

Рис. 4. Темпы роста ВВП на душу населения (в сложных процентах в год) в странах Америки

Источник: (Maddison, 2006).

Экономисты Латинской Америки неверно истолковали этот феномен и предложили «теорию центра — периферии», утверждая, что промышленно развитые страны являются центром, а страны, богатые ресурсами, — периферией. Если бы страны, богатые ресурсами, не смогли создать собственные независимые промышленные системы и вместо этого полагались исключительно на экспорт сырья, они бы навсегда остались в роли «периферии», эксплуатируемой странами «центра» и навсегда застрявшей в ловушке неразвитости. Они считали, что рынок приведет к серьезной поляризации и экономической отсталости внутри страны, в то время как внешняя торговля станет причиной потери ценных ресурсов, продаваемых по низким ценам.

Исходя из этого, они ожидали ухудшения условий торговли сырьевыми товарами, которые являются основной статьей экспорта их стран. Под влиянием структурализма, пропагандируемого Пребишем (Prebisch, 1950) и другими, многие страны Латинской Америки приняли стратегию «импортозамещения». Целью такой стратегии было развитие отечественного производства для замены импорта. На первом этапе предполагалось производство потребительских товаров, а на втором этапе приоритет отдавался тяжелой промышленности, т.е. вторичному импортозамещению.

Однако большинство этих стран Латинской Америки обладали относительно большим количеством рабочей силы или природных ресурсов и относительно ограниченным капиталом. При такой структуре обеспеченности факторами производства они не имели сравнительных преимуществ в приоритетных капиталоемких отраслях. Предприятия в приоритетных отраслях были нежизнеспособны на свободном конкурентном рынке (Lin, Tan, 1999). Для достижения этой стратегической цели правительство использовало ряд политических инструментов, включая сдерживание процентных ставок, завышение обменного курса и прямое выделение кредитов и иностранной валюты предприятиям в приоритетных отраслях административными средствами для поддержки их инвестиций и деятельности (Lin, 2009).

Многие предприятия в приоритетных отраслях были национализированы. В Бразилии, где проводилась стратегия импортозамещения, в 1984 г. 81 из 200 крупнейших предприятий принадлежали государству, на долю которого приходилось 74,2% совокупных активов и 56,3% чистой выручки этих 200 крупных предприятий (Chen et al., 1987). Финансовые репрессии привели к тому, что уровень доступных банковских средств (доля M2 в ВВП) в этих странах оказался значительно ниже, чем в других странах. В табл. 3 представлены коэффициенты обеспеченности заемными средствами в странах с различными стратегиями развития. В Бразилии и Аргентине, принявших стратегию импортозамещения, средние коэффициенты обеспеченности заемными средствами составляли всего 16,8 и 22,2% соответственно в период с 1960 по 1975 г., что значительно ниже показателей промышленно развитых стран (США и Франции) и развивающихся стран с другими стратегиями (Сингапура и Тайваня), где коэффициент обеспеченности заёмными средствами в тот же период, как правило, превышал 50% (Cody et al., 1980).

В свою очередь, в условиях политики низких процентных ставок и высокой степени регулирования любая фирма, претендующая на государственное распределение средств, получает выгоду из разницы между их рыночной ценой и регулируемой ценой. Это привело к распространению практик поиска ренты. На самом деле «экстрактивные институты» латиноамериканских стран, на которые ссылались Аджемоглу и соавторы, возникли не вследствие первоначальных колониальных институтов, а как

эндогенный ответ на необходимость поддерживать нежизнеспособные предприятия в отраслях, приоритетно развиваемых правительством в рамках стратегии импортозамещения, противоречащей сравнительным преимуществам. Другие страны, такие как Египет, Индонезия, Индия, Китай и многие другие развивающиеся страны, также имели схожие институциональные механизмы: они приняли стратегию импортозамещения вопреки сравнительным преимуществам под влиянием преобладающего структуралистского мышления в области развития в эпоху после Второй мировой войны несмотря на то, что у них было разное национальное историческое происхождение (Lin, 2009; Lin, 2011b). Кроме того, отрасли, приоритетно поддерживаемые этой стратегией, способны создавать лишь ограниченное число рабочих мест, что приводит к массовой безработице и неравенству в стране. Это, в свою очередь, породило различные популистские политики и политические колебания в латиноамериканских странах и, как следствие, невысокую динамику экономического развития (Lin, 2009).

Таблица 3

Сравнение ставок заемного капитала для различных стратегий развития

Экономика	Год	M2/ВВП
Экономики со стратегией импортозамещения		
Бразилия	Среднее за 1960–1975 гг.	0.168
Аргентина	Среднее за 1960–1975 гг.	0.222
Развитые индустриальные экономики		
США	Среднее за 1960–1975 гг.	0.665
Франция	Среднее за 1960–1975 гг.	0.533
Экономики с другой стратегией развития		
Сингапур	1975 г.	0.750
Китай, Тайвань	1975 г.	0.702

Источник: (Cody et al., 1980).

Новая структурная экономика: взгляд на стратегии развития и экономические результаты¹⁰

Правительство — важнейший институт в любой экономике. Его экономическая политика формирует структуру макроэкономических стимулов, с которой сталкиваются предприятия. Чтобы объяснить успех или неудачу

¹⁰ В этом разделе использованы материалы работ (Lin, 2003) и (Lin et al., 2004).

экономической конвергенции в менее развитой стране (МРС), мы проанализируем экономическую политику государства в отношении промышленного развития и разделим ее на различные стратегии. В целом стратегии развития делятся на две взаимоисключающие группы: стратегия отрицания сравнительных преимуществ (ОСП) и стратегия использования сравнительных преимуществ (ИСП). Стратегия ОСП поддерживает появление предприятий и их работу в отраслях, противоречащих сравнительным преимуществам экономики, которые определяются ее структурой обеспеченности факторами производства. Стратегия ИСП способствует работе фирм в отраслях, соответствующих сравнительным преимуществам экономики.

Ни одна страна никогда не придерживалась строго и неизменно ни одной из этих стратегий. Однако некоторые страны следовали одной из стратегий достаточно последовательно, чтобы считаться образцом данного подхода. Более того, страна, изначально выбравшая определенную стратегию, впоследствии может от нее отказаться. Смена стратегии представляет ценную возможность тщательно сравнить воздействие разных подходов в рамках одной страны.

Стратегия отрицания сравнительных преимуществ (ОСП). Для большинства менее развитых экономик характерен относительный избыток рабочей силы и дефицит капитала. На свободном, открытом и конкурентном рынке фирмы в таких странах обычно выходят в сравнительно трудоемкие отрасли и применяют трудоемкие производственные технологии. Однако их политические лидеры и интеллектуалы часто отождествляют индустриализацию, особенно передовую капиталоемкую тяжелую индустриализацию, с модернизацией. Они выступают за то, чтобы их страны развивали капиталоемкие тяжелые отрасли по примеру развитых экономик и как можно быстрее внедряли самые передовые производственные технологии.

Учитывая существующую структуру факторного эндаумента, эти фирмы не будут жизнеспособны на свободном, открытом и конкурентном рынке. При сохранении такого рынка фирма, следующая стратегии своего правительства, будет нести убытки в связи с этой политической нагрузкой (Lin, Tan, 1999). Поскольку правительство отвечает за работу предприятия в конкретной отрасли и внедрение конкретной технологии, оно несет ответственность за убытки такой фирмы. Следовательно, для реализации стратегии ОСП правительство должно предоставить предприятиям политическую субсидию для компенсации этих потерь.

В действительности размер субсидий, необходимых для компенсации политического бремени, зависит от того, насколько продвигаемая отрасль или технология отклоняются от сравнительных преимуществ экономики. Если разрыв невелик, правительство может использовать налоговые льготы или прямые бюджетные трансферты для субсидирования фирмы. Однако, когда правительство менее развитой страны реализует стратегию развития, основанную на принципах ОСП, этот разрыв часто

оказывается значительным, что требует специальных институциональных механизмов для достижения целей стратегии.

Когда правительство менее развитой страны реализует стратегию ОСП, одними из наиболее распространенных методов субсидирования являются регулирование и сдерживание процентных ставок для снижения капитальных издержек в проектах. Кроме того, оборудование, необходимое для проектов ОСП, как правило, не может быть произведено внутри этой страны и должно импортироваться из развитых стран (РС). В результате доступ к иностранной валюте имеет решающее значение. Однако в МРС иностранная валюта обычно дефицитна и дорога, поскольку их экспорт ограничен и в основном состоит из сельскохозяйственной продукции и сырья, обладающих низкой стоимостью. Чтобы снизить затраты на импорт оборудования для проектов ОСП, правительство склонно завышать курс национальной валюты и занижать курс иностранной.

С одной стороны, искажения процентных ставок и обменных курсов стимулируют фирмы как в приоритетных, так и в неприоритетных секторах к увеличению спроса на капитал и иностранную валюту. С другой стороны, эти искажения ослабляют стимулы к сбережению и экспорту, тем самым снижая доступность капитала и иностранной валюты в экономике. В результате возникнет дефицит как одного, так и другого, и правительству приходится прибегнуть к административным мерам для нормирования капитала и иностранных резервов, чтобы обеспечить фирмам, ориентированным на ОСП, необходимые ресурсы для выполнения стратегических задач. Это ограничивает или даже полностью заменяет рыночную функцию распределения ресурсов прямым государственным нормированием.

Теоретически, правительство, принимающее стратегию ОСП, должно нести ответственность только за предоставление субсидии для покрытия убытков, вызванных бременем политики. Однако из-за асимметрии информации оно не может отличить убытки, вызванные этой нагрузкой, от убытков, связанных с обычной хозяйственной деятельностью. Фирмы будут использовать политическое бремя как оправдание и выделять ресурсы для лоббирования правительства с целью получения авансом политических льгот: доступ к кредитам с низкими процентными ставками, налоговые послабления, тарифная защита и легальные монополии. Если предприятия по-прежнему несут убытки после получения таких преференций, они обратятся за дополнительной административной поддержкой, например, за более льготными кредитами. В результате экономика будет пронизана практиками поиска ренты или прямо непродуктивного извлечения прибыли. Поскольку фирмы могут использовать политическое бремя в качестве козыря для получения дополнительной государственной поддержки, а правительству сложно уклониться от своих обязательств, бюджетные ограничения предприятий становятся мягкими. При наличии мягких бюджетных ограничений у менеджеров фирм отсутствует давление,

необходимое для повышения производительности, и они могут позволять себе служебное потребление и другие формы недобросовестного поведения (moral hazard). Фактически, субсидии могут оказаться значительно выше, чем требуется для компенсации первоначальной политической нагрузки.

Стратегия использования сравнительных преимуществ (ИСП). Правительство менее развитой страны может принять альтернативную стратегию — ИСП. Эта стратегия поощряет фирмы входить в отрасли, соответствующие сравнительным преимуществам страны, определяемым ее структурой обеспеченности факторами производства, и использовать производственные технологии, соответствующие этим преимуществам. Компании в таких отраслях будут жизнеспособны, т.е. при нормальном управлении они смогут получать социально приемлемую нормальную прибыль (Lin, Tan, 1999).

Как обсуждалось выше, отрасли, в которых экономика обладает сравнительным преимуществом, а также соответствующие им производственные технологии определяются относительной обеспеченностью страны факторами производства. Однако руководители предприятий, как экономические агенты микроуровня, могут не иметь информации или не беспокоиться о фактической обеспеченности факторами производства. Их главными заботами являются цены на продукцию и издержки производства. Они войдут в соответствующую отрасль и выберут правильную технологию производства только в том случае, если относительные цены на факторы производства точно отражают относительное изобилие факторов, что возможно только на конкурентном рынке. Поэтому, когда правительство менее развитой страны принимает стратегию ИСП, его основная политика заключается в устранении всех потенциальных препятствий для функционирования свободных, открытых и конкурентных рынков товаров и факторов производства.

Приведенные выше рассуждения предполагают, что фирмы в экономике имеют свободный доступ к информации о товарных рынках, отраслях и производственных технологиях. Когда структура обеспеченности факторами производства экономики меняется и становится относительно капиталоемкой, фирмы будут модернизировать свои продукты или технологии, переходя от менее капиталоемких отраслей к более капиталоемким. В реальности такая информация может быть недоступна. Поэтому необходимо вкладывать ресурсы в поиск, сбор и анализ информации об отрасли, продуктах и технологиях. Если фирма осуществляет эту деятельность самостоятельно, добытая информация становится конфиденциальной, и другим предприятиям придется делать аналогичные инвестиции, чтобы получить те же сведения, что приведет к избыточным затратам на сбор информации. Поскольку информация обладает свойствами общественного блага, после ее сбора и обработки издержки ее распространения практически равны нулю. Таким образом, правительство может собирать

информацию о новых отраслях, рынках и технологиях и делать ее общедоступной в форме промышленной политики для всех фирм.

Модернизация технологий и промышленности в экономике часто требует координации между различными предприятиями и секторами. Например, новые отрасли или технологии могут предъявлять иные требования к человеческому капиталу или навыкам по сравнению с прежними. Одна фирма может не иметь возможности удовлетворить эти новые требования собственными силами и будет вынуждена обращаться к внешним источникам. Следовательно, успешная модернизация промышленности и технологий экономики зависит от наличия внешнего предложения нового человеческого капитала. Помимо человеческого капитала, предприятиям, проходящим модернизацию, могут также потребоваться услуги новых финансовых институтов, новые торговые соглашения, маркетинговые и дистрибьюторские возможности, а также улучшение материальной инфраструктуры, такой как энергоснабжение, порты и дорожные сети. Таким образом, правительство может также использовать промышленную политику для координации деятельности предприятий в различных отраслях и секторах, чтобы способствовать модернизации промышленности и технологий экономики.

Модернизация промышленности и технологий является формой инноваций и по своей природе сопряжена с риском. Даже при наличии информации и координации, обеспеченных государственной промышленной политикой, попытка фирмы модернизироваться может потерпеть неудачу из-за чрезмерно амбициозных целей, ограниченного объема нового рынка или недостаточной координации при улучшении физической и социальной инфраструктуры. Неудача сигнализирует другим фирмам о том, что цели промышленной политики могут быть неадекватными, что позволяет им избежать подобных неудач. Другими словами, фирма-первопроходец несет издержки от неудач и генерирует ценную информацию для других предприятий. Если фирма-первопроходец добивается успеха, ее успех также создает положительные экстерналии для других фирм, побуждая их участвовать в аналогичных модернизациях. Эти последующие улучшения снизят потенциальную ренту, которую могла бы получить фирма-первопроходец. Таким образом, существует асимметрия между издержками от неудач и выгодами от успеха для фирмы-первопроходца. Для компенсации этих внешних эффектов и асимметрии между потенциальными издержками и выгодами правительство может предоставлять определенные формы субсидий, такие как налоговые льготы или гарантии по кредитам, компаниям, которые изначально следуют государственной промышленной политике.

Важно отметить принципиальное различие между промышленной политикой стратегий ОСП и ИСП. Отрасли, стимулируемые стратегией ИСП, соответствуют сравнительным преимуществам, определяемым

структурой факторной обеспеченности экономики и ее изменениями. В отличие от них, приоритетные отрасли, стимулируемые стратегией ОСП, не соответствуют сравнительным преимуществам страны. Таким образом, компании, использующие стратегию ИСП, жизнеспособны, и небольшой, ограниченной по времени субсидии обычно бывает достаточно для компенсации информационных экстерналий. И наоборот, компании, использующие стратегию ОСП, нежизнеспособны и для выживания полагаются на масштабную и постоянную государственную поддержку.

Стратегия ИСП и стратегия ОСП: теоретические сравнения. Для любой МРС стремление догнать развитые страны разумно. Стратегия ОСП привлекательна для политических лидеров, широкой общественности и элиты интеллектуалов в МРС, поскольку они непосредственно наблюдают различия в структурах промышленности между развитыми странами и своими собственными и отмечают корреляцию между уровнем производительности труда в промышленности и доходом на душу населения. Однако именно стратегия ИСП позволяет МРС догнать развивающиеся страны, в то время как стратегия ОСП фактически препятствует этому. Многие другие теории также пытались объяснить успех или неудачу МРС в достижении устойчивого экономического развития. Концепция стратегии ИСП/ОСП предлагает единое объяснение.

Накопление капитала

Оптимальная структура производства экономики эндогенно определяется структурой ее обеспеченности ресурсами. Следовательно, если менее развитая страна стремится достичь структуры производства, аналогичной структуре развитой страны, ей необходимо сначала сократить разрыв между структурами обеспеченности факторами производства. Улучшение структуры обеспеченности факторами производства означает увеличение доли капитала по отношению к труду. Накопление капитала зависит от размера излишков или прибыли, получаемых фирмами, и нормы сбережений экономических агентов.

При использовании стратегии ИСП фирма входит в отрасль, в которой она обладает сравнительным преимуществом, и внедряет наименее затратную производственную технологию. В результате фирма становится конкурентоспособной, занимает наибольшую долю рынка и генерирует наибольший излишек или прибыль. Капитал, вложенный в отрасли, следующие этому сравнительному преимуществу, также будет иметь максимально возможную норму прибыли. Это создает серьезный стимул к сбережению для экономических агентов. Более того, правительство не искажает цены на факторы производства и товары и не использует административную власть для создания легальных монополий. В результате не остается места для расточительной деятельности по извлечению ренты. Компании

имеют жесткие бюджетные ограничения и должны улучшать управление и конкурентоспособность для получения прибыли.

Напротив, стратегия ОСП оказывает противоположное влияние на конкурентоспособность компаний, норму прибыли, рентную деятельность и смягчение бюджетных ограничений в приоритетных отраслях по сравнению со стратегией ИСП. Следовательно, обновление структуры целевого капитала происходит быстрее в рамках стратегии ИСП, чем в рамках стратегии ОСП.

Технологический прогресс

Модернизация структуры факторного эндаумента экономики закладывает основу для модернизации промышленной структуры (Basu, Weil, 1998). Для компаний в МРС целевая новая отрасль может перенять опыт развитых стран. Стоимость обучения в рамках стратегии ИСП ниже, чем в рамках стратегии ОСП, поскольку технологический разрыв между новыми и старыми отраслями в первом случае меньше (Barro, Sala-i-Martin, 1997; Hidalgo et al., 2007).

Более того, для многих целевых технологий в рамках стратегии ИСП срок действия патентной защиты мог уже истечь. Даже если технология все еще охраняется патентом, лицензионный сбор в рамках стратегии ИСП, вероятно, будет ниже, чем в рамках стратегии ОСП, при прочих равных условиях, поскольку целевая технология в рамках стратегии ИСП, как правило, старше. В некоторых случаях фирмы, использующие стратегию ОСП, не могут получить технологию от развитых стран и вынуждены самостоятельно инвестировать в дорогостоящие и рискованные НИОКР, фактически «изобретая велосипед». Таким образом, стоимость приобретения технологий в рамках стратегии ИСП ниже, чем в рамках стратегии ОСП.

Открытость международной торговли

Ряд эмпирических исследований показал, что открытые страны демонстрируют более выраженные тенденции к конвергенции, чем закрытые (Harberger, 1985; Dollar, 1992; Warr, 1994; Ben-David, 1993; Sachs, Warner, 1995; Harrison, 1996; Michaely, 1977; Frankel, Romer, 1999). Считается, что международная торговля способствует диффузии технологий. Чон-Ва Ли (Lee, 1995) обнаружил, что страны, импортирующие больше средств производства, как правило, растут быстрее — возможно потому, что именно в средствах производства могут быть заключены новые технологии. Однако Родригес (Rodríguez, 2000) утверждал, что «методологические проблемы эмпирических стратегий, используемых в этой литературе, оставляют результаты открытыми для различных интерпретаций», что делает неясной роль торговой политики. Например, если импорт оборудо-

вания способствует передаче технологий, неясно, следует ли правительству принимать меры по содействию такому импорту или проводить либерализацию торговли путем снижения тарифов и нетарифных барьеров.

В нашей модели страна, принимающая стратегию ИСП, будет импортировать товары, по которым у нее нет сравнительных преимуществ, и экспортировать товары, по которым преимущества у нее есть. Для такой страны открытость определяется эндогенно ее структурой обеспеченности факторами производства, а не экзогенной импортно-экспортной политикой (Lin, 2009). Если правительство МРС примет стратегию ОСП и попытается заменить импорт капиталоемких промышленных товаров отечественным производством, это приведет не только к сокращению импорта страны, но и к подавлению ее экспорта. Последнее связано с перенаправлением ресурсов из отраслей, обладающих сравнительным преимуществом, в приоритетные сектора, определяемые стратегией ОСП. Кроме того, обменный курс может быть завышен для поддержки развития приоритетных отраслей, что фактически ограничивает экспортные возможности. Примерами такой ситуации являются социалистические страны, Индия и многие страны Латинской Америки. По сравнению с экономиками, которые более точно следовали стратегии ИСП, показатели роста этих стран разочаровывают.

Даже если правительство менее развитой страны, приняв стратегию ОСП, будет стимулировать фирмы в приоритетных капиталоемких отраслях к экспорту, экспорт все равно может быть убыточным. Хотя эти компании могут иметь высокий уровень экспорта на внешние рынки (*export-to-foreign-market ratio*) и добиваться быстрого технологического прогресса, их выживание зависит от защиты внутреннего рынка, льготных банковских кредитов и других мер политической поддержки. Такая страна будет иметь слабый платежный баланс, накапливать внешний долг и оставаться уязвимой к внешним шокам. Хотя для МРС может быть выгоднее принять стратегию ОСП, стимулирующую экспорт, чем стратегию, делающую упор на импортозамещение, в целом экономика, придерживающаяся стратегии стимулирования экспорта за пределами своих сравнительных преимуществ, будет демонстрировать худшие результаты, чем экономика, придерживающаяся стратегии ИСП. Следовательно, не всегда верно, что увеличение экспорта обязательно приводит к более высокому росту ВВП.

Финансовая глубина экономики

Со времени новаторских работ Э. С. Шоу (Shaw, 1969) и Р. Маккиннона (McKinnon, 1973) многие исследователи утверждали, что существует причинно-следственная связь между финансовой глубиной экономики и экономическим ростом. Для измерения финансовой глубины обычно используется показатель $M2/ВВП$, или отношение общего объема кре-

дитов, предоставленных финансовыми посредниками частному сектору, к ВВП. Эмпирические данные подтверждают эту гипотезу (Levine, 1997; Rajan, Zingales, 1998).

Однако степень развития финансового сектора в менее развитых странах (МРС) в значительной степени зависит от государственной стратегии развития. В рамках стратегии ОСП крупные капиталоемкие компании являются основными проводниками государственной стратегии развития. Чтобы удовлетворить финансовые потребности этих нежизнеспособных крупных компаний, правительство часто национализировало их и использует прямые фискальные ассигнования для их поддержки, минуя финансовое посредничество. Такая ситуация наблюдалась в бывших социалистических плановых экономиках, сохраняется в Индии и многих других менее развитых странах. Даже если правительство опирается на частные компании для реализации стратегии ОСП, значительные финансовые потребности крупных компаний могут быть удовлетворены только за счет жестко регулируемой олигополистической банковской системы, что приводит к заниженным процентным ставкам. В любом случае финансовая система страны будет недостаточно развита.

Наиболее конкурентоспособные и динамичные компании в менее развитых странах часто представляют собой трудоемкие малые и средние предприятия. Однако крупные банки дискриминируют эти компании и часто отказывают им в доступе к финансовым услугам. В результате финансовая система крайне неэффективна. Более того, компании приоритетных секторов, получающие преимущественный доступ к банковским кредитам, нежизнеспособны и могут не выплачивать кредиты. Банки часто накапливают большой объем безнадежных долгов крупных компаний в приоритетных секторах, что может провоцировать финансовые кризисы. Поэтому необходимым условием для развития финансовой системы в наименее развитых странах является смена государственной стратегии развития со стратегии ОСП на стратегию ИСП.

Макроэкономическая стабильность

Многочисленные эмпирические исследования показали, что макроэкономическая волатильность может препятствовать долгосрочному росту (Barro, Sala-i-Martin, 1997). Если правительство МРС примет стратегию ОСП, компании в приоритетных отраслях окажутся нежизнеспособными и будут зависеть от льготных кредитов, торговых барьеров и других мер поддержки для выживания. Поскольку существующие сравнительные преимущества не используются, экономика в целом будет недостаточно конкурентоспособной, и устойчивые динамические изменения в сравнительных преимуществах экономики окажутся невозможны, что приведет к снижению экономических показателей. Экономика будет иметь слабый

финансовый сектор и неудовлетворительное внешнеэкономическое положение. Бюджетный дефицит, долговое бремя и финансовая нестабильность будут накапливаться, подрывая макроэкономическую стабильность.

Напротив, страна, которая следует стратегии ИСП, будет иметь лучший платежный баланс, более здоровую финансовую и налогово-бюджетную систему, более высокую устойчивость к внешним шокам и лучшие показатели макроэкономической стабильности.

Распределение доходов

Взаимосвязь между распределением доходов и экономическим развитием — одна из старейших тем в экономике развития. Саймон Кузнец (Kuznets, 1955) предложил гипотезу перевернутой U-образной формы, предполагающую, что неравенство имеет тенденцию к росту на начальных этапах экономического развития, а затем к обратному движению на более поздних. Однако доказательства этой гипотезы неоднозначны. Некоторые кросс-секционные исследования подтверждают ее (Paukert, 1973; Cline, 1975; Chenery, Syrquin, 1975; Ahluwalia, 1976), но исследование Гэри Филдса (Fields, 1991), проведенное с учетом 43 эпизодов в 19 странах, не выявило тенденции к росту неравенства в более бедных странах или к снижению неравенства в более богатых странах. Исследование Джона Фэя, Густава Раниса и Ширли У. И. Куо (Fei et al., 1979), показало, что экономика Тайваня достигла роста за счет обеспечения равенства. Мы предполагаем, что в МРС принятие стратегии ИСП смягчит неравенство доходов, тогда как принятие стратегии ОСП усугубит его. В МРС важнейшим активом бедных является их труд. Стратегия ИСП способствует развитию более трудоемких отраслей, которые могут создать больше рабочих мест для бедных, повысить уровень заработной платы и дать им возможность воспользоваться преимуществами экономического роста. Это приводит к более справедливому распределению доходов.

Напротив, стратегия ОСП, поддерживая развитие более капиталоемких отраслей, сокращает возможности трудоустройства для бедных и снижает заработную плату работников с низкими доходами. Такой рост неустойчив. Когда экономика сталкивается с трудностями, как показали Восточноазиатский финансовый кризис (Stiglitz, 1998) и мировой финансовый кризис 2008 г. (Almeida, 2020; Chen et al., 2019), бедные несут на себе основное бремя.

Подводя итог, мы утверждаем, что соответствие промышленности и технологий сравнительным преимуществам экономики имеет решающее значение для международного распространения необходимых технологий, ускорения экономического роста, достижения конвергенции и обеспечения справедливого распределения доходов. Динамика сравнительных

преимуществ экономики зависит от динамики изменений в ее структуре факторного обеспечения, которая, в свою очередь, зависит от скорости накопления капитала. Накопление капитала определяется тем, насколько эффективно экономические агенты используют существующие сравнительные преимущества в своих отраслях и технологиях. МРС, которая использует сравнительные преимущества, основанные на обеспеченности факторами производства, в качестве руководящего принципа при выборе отраслей и технологий, может минимизировать затраты на обучение новым технологиям, иметь более быстрые изменения в своей структуре обеспеченности, постоянно модернизировать свою промышленную структуру и улучшить распределение доходов.

Стратегия ИСП и стратегия ОСП: реальные экономические результаты.

В реальном мире, особенно в странах Латинской Америки, выбор стратегии ОСП приводит к нескольким последствиям. Во-первых, он ведет к неудовлетворительным темпам роста и снижению уровня доходов. Если посмотреть на совокупные годовые темпы роста реального ВВП на душу населения в 1930–1960 и 1960–1990 гг., то в Аргентине темпы роста составляли всего 1,0 и 0,5%, в Чили — 1,1 и 1,3%, а в Уругвае — 0,5 и 0,9%, в то время как в США темпы роста составляли 2,0 и 2,4% за тот же период (Maddison, 2006). Эти темпы роста не только не дотягивают до уровня США, но и увеличивают разрыв в развитии между странами Латинской Америки и США.

Во-вторых, такой выбор приводит к искажению экономической и социальной структуры, что ухудшает распределение доходов. Стратегия приоритетного развития капиталоемких отраслей приводит к дисбалансу в промышленной структуре и ограничению ее возможностей по трудоустройству. Например, в период с 1970 по 2000 г. средний уровень безработицы в Аргентине, Чили и Уругвае составлял 7,14, 9,68 и 9,42% соответственно, что является относительно высоким показателем. Большая доля населения с низкими доходами препятствует улучшению распределения доходов по мере экономического развития. Например, в Бразилии доля совокупного дохода, принадлежащая 5% самых богатых граждан, составляла 27,7% в 1960 г. и выросла до 39% в 1976 г. За тот же период доля совокупного дохода, принадлежащая 50% самых бедных граждан, сократилась с 17,7 до 11,8%. Иными словами, в 1976 г. среднедушевой доход самых богатых 5% населения был в 33 раза выше, чем у самых бедных 50%. В терминах коэффициента Джини он составлял 0,50 в 1960 г., 0,56 в 1970 г. и 0,60 в 1976 г. (Griffin, 1999).

В-третьих, это приводит к неэффективности и снижению благосостояния. Для реализации стратегии ОСП правительство проводит политику строгого протекционизма и субсидирования некоторых промышленных секторов. Эти отрасли и предприятия, занимающие монопольное положение и защищенные от внешней конкуренции, теряют стимулы к тех-

нологическим инновациям и совершенствованию управления бизнесом, что приводит к низкой эффективности. Наиболее заметным проявлением в этих экономиках выступает распространение рентного поведения. Поскольку государство дифференцирует отрасли посредством лицензирования, квот, кредитов с низкими процентными ставками и ценовых интервенций, а предприятия могут получать прибыль просто за счет этих преференциальных условий или субсидий, частные предприниматели вкладывают значительные человеческие, материальные и финансовые ресурсы в погоню за такой системной рентой. Это не только коррумпирует чиновников и подрывает репутацию правительства, но и приводит к растрате ресурсов и чистому снижению национального благосостояния. Согласно оценкам для Бразилии в 1967 г. (Griffin, 1999), если потери ВВП из-за нерационального распределения ресурсов, вызванного протекционизмом, составляли 1%, то потери, вызванные рентоориентированным поведением, составляли 7–9%. Долгосрочная высокая степень защиты обрабатывающей промышленности является важной особенностью экономики, придерживающихся стратегии ОСП (Krueger, 1974).

В-четвертых, это ухудшает бюджетную ситуацию и приводит к инфляции. Поскольку эти страны выходят за рамки своего самостоятельного развития и начинают полагаться на государственные субсидии или прямые государственные инвестиции для развития капиталоемких отраслей, они увеличивают свое бюджетное бремя и могут столкнуться с огромным бюджетным дефицитом. Чтобы восполнить этот финансовый дефицит, они активно заимствуют средства из внешних источников. Например, после 1970-х гг., особенно в начале 1980-х гг., Бразилия и Мексика, стремясь к быстрому росту и расширению инвестиций, накопили огромные долги, что привело к череде долговых кризисов. Темпы их роста резко упали, в некоторых случаях даже до отрицательных значений, а уровень жизни населения снижался более десяти лет. Инфляция также является распространенной проблемой во многих странах, придерживающихся стратегии ОСП. Для искусственного поддержания темпов экономического роста применяется ряд макроэкономических мер, стимулирующих инвестиции и расширение масштабов капитального строительства. Вследствие внутренней несбалансированности структуры промышленности перегрев экономики приводит к появлению множества узких мест. Недостаток продукции и факторов производства приводит к росту цен, создавая относительно серьезную инфляцию. Например, в период с 1970 по 2000 г. среднегодовые темпы инфляции в Мексике и Чили составляли 34,6 и 76,5% соответственно, а в Аргентине и Бразилии они достигали чрезвычайно высоких значений — 295,6 и 386,9% соответственно¹¹.

¹¹ Данные получены из открытых данных Всемирного банка.

Как можно видеть, коренная причина неспособности некоторых развивающихся экономик догнать конкурентов заключается именно в выборе ими стратегии ОСП, а также в сопутствующей макроэкономической политике, которая искажает относительные цены на продукты и факторы, и в системе государственного управления, основанной на вмешательстве государства в экономику.

Опыт развития восточноазиатских «четырёх малых драконов» служит хорошим примером преимуществ стратегии ИСП. Как и многие другие развивающиеся экономики, Тайвань, Южная Корея, Гонконг и Сингапур после Второй мировой войны были очень бедны. В начале 1950-х гг. уровень их индустриализации был низким, капитальные и валютные резервы — крайне ограниченными, а доходы на душу населения — крайне низкими. Они также столкнулись с проблемой выбора подходящего пути экономического развития. Тайвань, Южная Корея и Сингапур сначала приняли стратегию импортозамещения (ОСП), но отказались от попыток развития тяжелой промышленности на ранних этапах. Вместо этого, опираясь на имеющиеся факторы производства, они активно развивали трудоемкие отрасли, стимулировали экспорт и расширяли экспортоориентированную экономику, чтобы в полной мере использовать свои сравнительные преимущества.

В развитых странах, таких как многие европейские государства, США и Япония, трудоемкие отрасли постепенно заменялись технологически и капиталоемкими отраслями вследствие увеличения капитальных ресурсов и роста уровня заработной платы. В Гонконге, Тайване, Южной Корее и Сингапуре рабочая сила была в изобилии и стоила дешево. Таким образом, когда сравнительные преимущества развитых стран сместились в сторону более капиталоемких и технологически емких отраслей, «четыре малых дракона» смогли воспользоваться возможностями для роста. Благодаря торговым связям и экономической открытости трудоемкие производства из развитых стран были перемещены в эти азиатские экономики. Интенсивно используя свои сравнительные преимущества, «четыре малых дракона» достигли высокой конкурентоспособности и быстро накопили капитал. Наряду с накоплением капитала и изменением сравнительных преимуществ, они постепенно перешли к более капиталоемким и высокотехнологичным отраслям. В результате «Четыре малых дракона» получили более 30 лет быстрого роста, сначала став новыми индустриальными экономиками, а затем достигнув или почти достигнув уровня развитых экономик (Lin, 2003; Lin, 2009).

Эмпирические данные

В предыдущих разделах рассматривалось влияние стратегий развития на институциональные механизмы, экономический рост и распределе-

ние доходов внутри страны. Исходя из этого, мы можем выделить некоторые поддающиеся наблюдению тенденции в развивающихся странах. Для анализа этих закономерностей мы вводим индекс технологического выбора (Technology Choice Index — TCI) в качестве прокси-переменной для определения стратегии развития страны (Lin, 2003; Lin, 2009; Lin et al., 2004). TCI определяется следующим образом:

$$TCI_{it} = \frac{AVM_{it} / LM_{it}}{GDP_{it} / L_{it}},$$

где AVM_{it} — добавленная стоимость обрабатывающей промышленности страны i в момент времени t ; GDP_{it} — общая добавленная стоимость страны i в момент времени t ; LM_{it} — рабочая сила, занятая в обрабатывающей промышленности; L_{it} — общая численность рабочей силы. Если правительство реализует стратегию ОСП для стимулирования капиталоемких отраслей, ожидается, что TCI в этой стране будет выше, чем при других обстоятельствах. Это объясняется тем, что при принятии стратегии ОСП для решения проблемы жизнеспособности фирм в приоритетных производственных секторах правительство предоставляет этим компаниям монопольное положение на товарных рынках, что позволяет им устанавливать более высокие цены на свою продукцию. Кроме того, правительство предоставляет субсидируемые кредиты и ресурсы для снижения инвестиционных и операционных расходов. Эти меры политики приведут к увеличению AVM_{it} . В то же время более капиталоемкие инвестиции в приоритетные обрабатывающие отрасли при прочих равных условиях требуют меньше рабочей силы. Таким образом, числитель в уравнении будет больше для страны, реализующей стратегию ОСП. Учитывая уровень дохода и другие условия, величину TCI можно использовать в качестве показателя степени реализации стратегии ОСП в стране. Данные для расчета TCI взяты из доклада Всемирного банка «Показатели мирового развития» (2023).

Стратегия развития и институты. Чтобы проверить упомянутую ранее взаимосвязь между выбором стратегии развития и институциональной гипотезой, мы используем три ключевые косвенные переменные.

1) **Коррупция:** измеряет степень вмешательства правительства в распределение ресурсов и отражает восприятие того, в какой степени государственная власть используется не по назначению для личной выгоды. Она охватывает как мелкие, так и крупные формы коррупции, а также «захват» государства элитами и частными интересами.

2) **Риск экспроприации** — это риск прямой конфискации и принудительной национализации собственности.

3) **Открытость:** коэффициент торговой зависимости используется в качестве индикатора уровня открытости страны для международной торговли.

Стратегии развития и вмешательство государства в распределение ресурсов. Данные об оценке уровня коррупции в 123 странах за период с 1960 по 2023 г. получены из базы данных «Показатели мирового государственного управления» (Worldwide Governance Indicators — WGI). Этот показатель присваивает стандартизированный балл общей эффективности борьбы с коррупцией каждой стране, нормализованный по шкале от $-2,5$ до $2,5$. Более высокое значение указывает на более высокий уровень контроля над коррупцией, что свидетельствует о наличии более эффективных институциональных механизмов предотвращения злоупотреблений государственной властью. И наоборот, более низкое значение указывает на более слабый контроль над коррупцией и более высокую распространенность коррупции. Этот показатель фактически отражает эффективность институциональных механизмов в борьбе со злоупотреблениями государственной властью. На рис. 5 показана иллюстрирующая взаимосвязь между средней оценкой уровня коррупции и *TCI* для каждой страны корреляция.

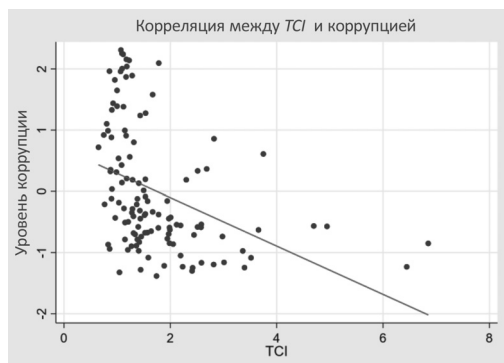

Рис. 5. *TCI* и контроль коррупции (1960–2023), средний показатель по странам

Существует сильная корреляция между индексом *TCI* и контролем над коррупцией, что соответствует теоретическим ожиданиям. Чем активнее правительство проводит стратегию ОПС, тем более масштабным становится необходимое государственное вмешательство. В результате повышается вероятность использования публичной власти в личных интересах, что приводит к более высокому уровню коррупции.

Стратегии развития и риск экспроприации. Данные о риске экспроприации для 123 стран с 1960 по 2023 г. взяты из Международного руководства

по страновым рискам (PRS group, 2023). Риск экспроприации представляет собой риск полной конфискации и принудительной национализации собственности. Диапазон значений варьируется от 0 до 12, а рейтинг представляет собой сумму трех подкомпонентов, каждый из которых оценивается максимально в 4 балла и минимально в 0 баллов. Более высокое значение указывает на меньшую вероятность экспроприации частных предприятий. Для каждой страны на рис. 6 представлена корреляция между средним риском экспроприации и средним индексом *TCI*.

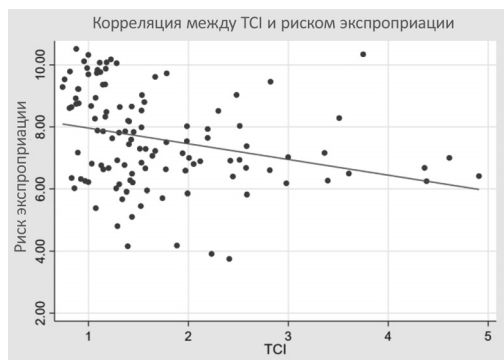
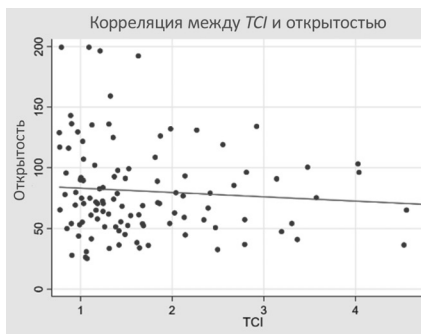

Рис. 6. *TCI* и риск экспроприации (1960–2023), средний показатель по странам

Как показано выше, существует сильная отрицательная корреляция между *TCI* и риском экспроприации, что соответствует теоретическим прогнозам. Чем активнее правительство реализует стратегию ОСП, тем выше вероятность конфискации или национализации предприятий.

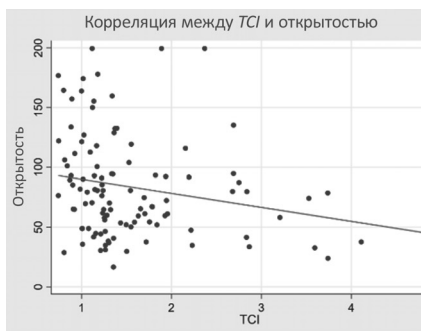
Стратегии развития и открытость. Коэффициент торговой зависимости служит индикатором открытости страны. Данные получены из базы данных «Показатели мирового развития» (WDI). В связи с ограниченностью данных на рис. 7 представлена корреляция между средним индексом (*TCI*) и средним коэффициентом торговой зависимости за последние четыре десятилетия, что наглядно демонстрирует взаимосвязь между степенью открытости и принятием стратегий развития с течением времени.

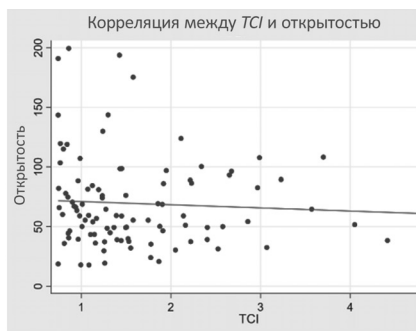
1990-е гг.

2000-е гг.

2010-е гг.

2020-е гг.

Рис. 7. *TCI* и открытость (1990-е, 2000-е, 2010-е, 2020-е гг.), средние значения по странам

Мы обнаружили, что *TCI* и открытость отрицательно коррелируют. Если правительство развивающейся страны примет стратегию ОСП, ее экономика станет более ориентированной на внутренние рынки. Это объясняется тем, что стратегия ОСП направлена на замещение импорта капиталоемких промышленных товаров отечественным производством, что приводит к сокращению импорта. Экспорт также подавляется, поскольку ресурсы неизбежно перенаправляются из отраслей, обладающих сравнительным преимуществом, в приоритетные секторы, определенные стратегией ОСП. Таким образом, чем больше страна придерживается стратегии ОСП, тем менее открытой будет ее экономика.

Стратегия развития и экономический рост. В долгосрочной перспективе страна, принимающая стратегию ОСП, будет демонстрировать низкие показатели роста. Сначала мы рассмотрим взаимосвязь между годовыми темпами роста ВВП на душу населения и индексом *TCI* в разных странах. Результаты корреляции, представленные на рис. 8, демонстрируют от-

рицательную связь между TCI и темпами роста ВВП на душу населения, что подтверждает результаты предыдущего анализа.

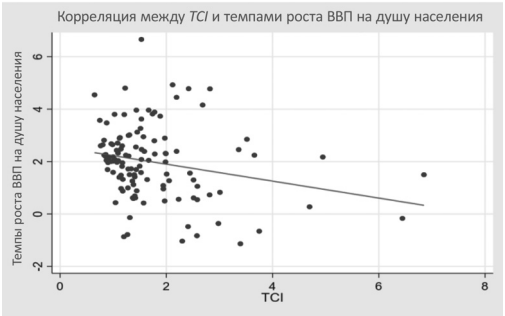

Рис. 8. TCI и темпы роста ВВП на душу населения, средние значения по странам

Далее мы строим следующую эконометрическую модель:

$$GROWTH_{it} = C + \alpha TCI_{it} + \beta X + \xi,$$

где $GROWTH_{it}$ — темп экономического роста в стране i в определенный период t ; X — вектор, включающий начальный ВВП на душу населения для контроля влияния стадии развития и показатель верховенства права для отражения качества институтов. Зависимой переменной является темп роста ВВП на душу населения каждой страны с 1960 по 2023 г. в постоянных долларах США 2015 г. В табл. 4 представлены результаты описательной статистики данных.

Таблица 4

Результат описательной статистики

Переменные	N	Mean	SD	Min	Max
TCI	3507	1,74	1,11	0,20	10,23
Law	2928	-0,02	1,02	-2,59	2,13
ln_GDP_pp_growth	5115	1,03	1,02	-6,91	5,01
ln_GDP_pp1960	5176	7,88	1,29	4,87	10,59
Corruption	2928	-0,02	1,05	-1,85	2,46
GINI	1703	38,26	9,14	22,00	66,00

Источник: базы данных WDI и WGI Всемирного банка (2023).

В табл. 5 представлены результаты оценки бенчмарка. Регрессионная модель 1 включает только прокси-переменную для стратегии развития — TCI. Модель 2 основана на модели 1 и добавляет ВВП на душу населения

за начальный год (GDP_pp1960). Модель 3 также включает дополнительные объясняющие переменные для контроля влияния качества институтов.

Таблица 5

**Регрессия базового показателя TCI и темпов роста ВВП
на душу населения**

	(1)	(2)	(3)
	ВВП на душу населения	ВВП на душу населения	ВВП на душу населения
TCI	-0.224*** (0.078)	-0.602*** (0.100)	-0.220** (0.108)
ln_GDP_pp1960		-0.487*** (0.067)	-0.922*** (0.122)
law			0.640*** (0.146)
_cons	2.400*** (0.143)	6.623*** (0.630)	9.435*** (0.993)
N	3505	2372	1842

Примечание: Стандартные ошибки указаны в скобках; уровни значимости коэффициентов: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

Как показано в табл. 5, оценки TCI имеют ожидаемый отрицательный знак и статистически значимы во всех регрессиях. Этот результат подтверждает предположение о том, что стратегия развития является основным фактором, определяющим долгосрочные показатели экономического роста страны.

Стратегия развития и распределение доходов. Чтобы проверить влияние стратегии развития на распределение доходов, мы используем следующее уравнение регрессии:

$$GINI_{it} = C + \alpha TCI_{it} + \beta X + \varepsilon,$$

где $GINI_{it}$ — коэффициент Джини, характеризующий уровень неравенства в стране i в момент времени t ; TCI — прокси-фактор стратегии развития; X — вектор контрольных переменных.

Коэффициент Джини рассчитывается на основе базы данных Всемирного банка. Он измеряет степень отклонения распределения доходов (или, в некоторых случаях, потребительских расходов) отдельных лиц или домохозяйств от идеального равенства. Индекс представляет собой площадь

между кривой Лоренца и гипотетической линией абсолютного равенства, выраженную в процентах от максимально возможной площади под кривой. Индекс Джини, равный 0, указывает на абсолютное равенство, а индекс Джини, равный 100, — на абсолютное неравенство. В связи с ограничениями доступности данных панельный набор данных состоит из 1703 выборок из 111 стран. На рис. 9 показана прямая связь между индексом титров и коэффициентом Джини.

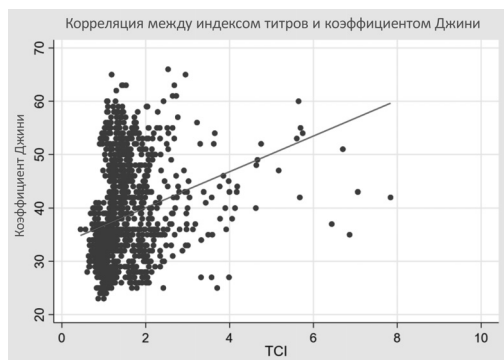

Рис. 9. ТСИ и коэффициент Джини, средние значения по странам

Коррупция и верховенство закона также могут влиять на распределение доходов. Мы включаем в регрессионный анализ две объясняющие переменные: индекс коррупции и показатель верховенства закона из базы данных CPIA Всемирного банка, чтобы отразить качество институтов. Более высокое значение индекса коррупции указывает на более низкий уровень коррупции в стране, в то время как более высокий балл по показателю верховенства закона отражает более сильную защиту прав собственности. В соответствии с теоретическими ожиданиями, как индекс коррупции, так и показатель верховенства закона должны иметь отрицательный коэффициент.

В табл. 6 представлены результаты оценки ТСИ и коэффициента Джини. Во всех трех регрессионных моделях расчетные значения ТСИ положительны и значимы на уровне 1%. Эти результаты убедительно подтверждают гипотезу о том, что чем активнее страна реализует стратегию ОСП, тем сильнее будет неравенство доходов в ней.

Результат регрессионного анализа TCI и индекса GINI

	(1)	(2)	(3)
	GINI	GINI	GINI
TCI	3.350*** (0.381)	1.402*** (0.363)	1.177*** (0.358)
Corruption		-3.329*** (0.200)	
Law			-3.930*** (0.223)
_cons	33.369*** (0.566)	36.524*** (0.591)	37.072*** (0.601)
N	1453.000	1276.000	1276.000

Примечание: Стандартные ошибки указаны в скобках; уровни значимости коэффициентов: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

Заключение

Нобелевская премия по экономике 2024 г. была присуждена Аджемоглу, Джонсону и Робинсону в знак признания их исследований роли институтов в экономическом развитии. Однако, проведя всесторонний анализ, мы обнаружили, что их исследования не выдерживают ни кросс-секционных, ни лонгитюдных исторических исследований. Во-первых, существуют проблемы с их эмпирическими данными. Во-вторых, их гипотеза не может объяснить, почему экономические показатели Латинской Америки были сопоставимы с показателями Северной Америки в период с 1870 по 1960 г. и даже в большей степени между 1900 и 1930 гг., но не достигали уровня Северной Америки в периоды до 1870 г. и после 1960 г. В-третьих, они неверно поняли фундаментальные детерминанты институциональной системы.

С точки зрения новой структурной экономики основополагающим фактором успеха или неудачи экономического развития страны является то, насколько правительственная стратегия промышленного развития использует сравнительные преимущества, которые эндогенно определяются структурой обеспеченности страны факторами производства. Если страна примет стратегию использования сравнительных преимуществ и, благодаря совместным усилиям эффективного рынка и госу-

дарства, содействующего развитию, поможет компаниям преобразовать скрытые сравнительные преимущества в реальные, экономика будет процветать. Это предполагает предоставление государством компенсации за отрицательные экстерналии первопроходцам и совершенствование инфраструктуры и институтов для помощи предприятиям в преодолении узких мест в «мягкой» и «жесткой» инфраструктуре в процессе модернизации промышленности. Напротив, если страна примет стратегию, которая игнорирует сравнительные преимущества, ее экономика столкнется с трудностями, а именно с низкими показателями роста, перекосами в распределении доходов и неэффективным распределением ресурсов. Как экономические показатели страны, так и распределение доходов, а также различные институциональные механизмы определяются выбранной стратегией развития.

Важно отметить, что переменная, используемая в данной статье для измерения стратегий развития, TCI, — это результирующая переменная. В силу эндогенности, сложности реальной экономики и других факторов она может неточно измерять стратегический выбор. Дальнейшие исследования следует направить на разработку более точных индикаторов для эмпирической проверки гипотезы, представленной в данной статье.

Наконец, согласно исследованию Аджемоглу, Джонсона и Робинсона, институты имеют значение, а инклюзивные институты являются эндогенными для специфической среды Северной Америки в период колонизации. Поэтому было бы сложно перенести предложенные ими инклюзивные институты в другие страны, не имеющие схожих исторических условий. В противоположность этому, новая структурная экономика утверждает, что правительственная стратегия развития определяет как институты, так и успех или неудачу экономического развития страны. Правительство развивающейся страны может принять стратегию, способствующую развитию отраслей в соответствии со сравнительными преимуществами, определяемыми структурой обеспеченности факторами производства. Таким образом, страна может добиться устойчивого, динамичного и инклюзивного роста и достичь экономического процветания.

Список литературы

Acemoglu, D., Gallego, F. A., & Robinson, J. A. (2014). Institutions, human capital, and development. *Annual Review of Economics*, 6, 875–912. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-080213-041119>.

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *American Economic Review*, 91(5), 1369–1401. <https://doi.org/10.1257/aer.91.5.1369>.

Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A. (2012). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation: Reply. *American Economic Review*, 102(6), 3077–3110. <https://doi.org/10.1257/aer.102.6.3077>.

- Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. A., Yared, P. (2008). Income and democracy. *American Economic Review*, 98(3), 808–842. <https://doi.org/10.1257/aer.98.3.808>.
- Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2006). Defacto political power and institutional persistence. *American Economic Review*, 96(2), 325–330. <https://doi.org/10.1257/000282806777212549>.
- Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2000). Why did the West extend the franchise? Democracy, inequality, and growth in historical perspective. *Quarterly Journal of Economics*, 115(4), 1167–1199. <https://doi.org/10.1162/003355300555042>.
- Ahluwalia, M. S. (1976). Inequality, poverty and development. *Journal of Development Economics*, 3(4), 307–342.
- Albouy, D. Y. (2012). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation: Comment. *American Economic Review*, 102(6), 3059–3076. <https://doi.org/10.1257/aer.102.6.3059>.
- Almeida, V. (2020). Income inequality and redistribution in the aftermath of the 2007–2008 crisis: The U. S. case. *National Tax Journal*, 73(1), 77–114.
- Barro, R. J. (1992). Convergence. *Journal of Political Economy*, 100(2), 223–251. <https://doi.org/10.1086/261816>.
- Barro, R. J., & Sala-i-Martin, X. (1997). Technological diffusion, convergence, and growth. *Journal of Economic Growth*, 2(March), 1–26.
- Basu, S., & Weil, D. N. (1998). Appropriate technology and growth. *Quarterly Journal of Economics*, 113(4), 1025–1054. <https://doi.org/10.1162/003355398555829>.
- Ben-David, D. (1993). Equalizing exchange: Trade liberalization and income convergence. *Quarterly Journal of Economics*, 108(3), 653–679. <https://doi.org/10.2307/2118404>.
- Bryson, A. (1847). *Report on the climate and principal diseases of the African station: Compiled from documents in the office of the Director-General of the Medical Department, and from other sources, in compliance with the directions of the Right Honorable the Lords Commissioners of the Admiralty*. W. Clowes and Sons.
- Chen, L., Gu, Y., & Tan, S. (1987). *The strategy for economic development and new international economic order of developing country*. Economic Science Press.
- Chen, W., Mrkaic, M., & Nabar, M. (2019). *The global economic recovery 10 years after the 2008 financial crisis (IMF Working Paper No. WP/19/83)*. International Monetary Fund.
- Chenery, H. B., & Syrquin, M. (1975). *Pattern of development, 1950–1970*. Oxford University Press.
- Cline, W. R. (1975). Distribution and development: A survey of literature. *Journal of Development Economics*, 1(4), 359–400.
- Coase, R. H. (1937). The nature of the firm. *Economica*, 4(16), 38–405.
- Cody, J., Hughes, H., & Wall, D. (1980). *Policies for industrial progress in developing countries*. World Bank.
- Curtin, P. D. (1995). *African history: From earliest times to independence* (2nd ed.). Longman. <https://cir.nii.ac.jp/crid/1130282272128552832>.
- Curtin, P. D. (1989). *Death by migration: Europe's encounter with the tropical world in the nineteenth century*. Cambridge University Press.
- Curtin, P. D. (1998). *Disease and empire: The health of European troops in the conquest of Africa*. Cambridge University Press.
- Dollar, D. (1992). Outward-oriented developing economies really do grow more rapidly: Evidence from 95 LDCs, 1976–1985. *Economic Development and Cultural Change*, 40(3), 523–544. <https://doi.org/10.1086/451959>.
- Fei, J. C. H., Ranis, G., & Kuo, S. W. Y. (1979). *Growth with equity: The Taiwan case*. Oxford University Press.

Fields, G. (1991). Growth and income distribution. In G. Psacharopoulos (Ed.), *Essays on poverty, equity, and growth* (p. 1–52). Pergamon.

Frankel, J., & Romer, D. (1999). Does trade cause growth? *American Economic Review*, 89(3), 379–399.

Griffin, K. (1999). *Alternative strategies for economic development* (2nd ed.). St. Martin's Press.

Gutierrez, H. (1986). La mortalité des évêques latino-américains aux XVIIe et XVIIIe siècles. *Annales de Démographie Historique*, 29–39.

Harberger, A. C. (Ed.). (1985). *World economic growth*. ICS.

Harrison, A. (1996). Openness and growth: A time-series, cross-country analysis for developing countries. *Journal of Development Economics*, 48(2), 419–447.

Hidalgo, C. A., Klinger, B., Barabási, A.-L., & Hausmann, R. (2007). The product space conditions the development of nations. *Science*, 317(5837), 482–487. <https://doi.org/10.1126/science.1144581>.

Krueger, A. O. (1974). The political economy of rent-seeking society. *American Economic Review*, 64(3), 291–303.

Kuznets, S. (1955). Economic growth and income inequality. *American Economic Review*, 45(1), 1–8.

Lee, J.-W. (1995). Capital goods imports and long run growth. *Journal of Development Economics*, 48(1), 91–110.

Levine, R. (1997). Financial development and economic growth: Views and agenda. *Journal of Economic Literature*, 35(2), 688–726.

Lin, J. Y. (2003). Development strategy, viability, and economic convergence. *Economic Development and Cultural Change*, 51(2), 277–308. <https://doi.org/10.1086/367535>.

Lin, J. Y. (2009). *Economic development and transition: Thought, strategy, and viability*. Cambridge University Press.

Lin, J. Y. (2011a). New structural economics: A framework for rethinking economic development. *The World Bank Observer*, 26(2), 193–221.

Lin, J. Y. (2011b). *Demystifying the Chinese economy*. Cambridge University Press.

Lin, J. Y., Cai, F., & Li, Z. (2004). *The China miracle: Development strategy and economic reform* (Revised ed.). Chinese University Press.

Lin, J. Y., & Tan, G. (1999). Policy burdens, accountability, and the soft budget constraint. *American Economic Review*, 89(2), 426–431. <https://doi.org/10.1257/aer.89.2.426>.

Lloyd, P., & Lee, C. (2018). A review of the recent literature on the institutional economics analysis of the long-run performance of nations. *Journal of Economic Surveys*, 32(1), 1–22. <https://doi.org/10.1111/joes.12186>.

Maddison, A. (2006). *The world economy*. OECD Publishing.

McKinnon, R. (1973). *Money and capital in economic development*. Brookings Institution.

Michaely, M. (1977). Exports and growth: An empirical investigation. *Journal of Development Economics*, 4(1), 49–53.

North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press.

North, D. C. (2005). *Understanding the process of economic change*. Princeton University Press.

North, D. C., & Thomas, R. P. (1973). *The rise of the Western world: A new economic history*. Cambridge University Press.

Paukert, F. (1973). Income distribution at different levels of development: A survey of evidence. *International Labour Review*, 108(August–September), 97–125.

Prebisch, R. (1950). *The economic development of Latin America and its principal problems*. United Nations.

Rajan, R. G., & Zingales, L. (1998). Financial dependence and growth. *American Economic Review*, 88(3), 559–586.

Rodriguez, F. (2000). Trade policy and economic growth: A skeptic's guide to the cross-national evidence. *NBER Macroeconomics Annual*. MIT Press.

Sachs, J. D., & Warner, A. (1995). Economic reform and the process of global integration. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1, 1–95.

Shaw, E. S. (1969). *Financial deepening in economic development*. Oxford University Press.

Stiglitz, J. E. (1998). Towards a new paradigm of development: Strategies, policies, and processes. *Prebisch Lecture, United Nations Conference on Trade and Development*, Geneva, October 19.

Tulloch, A. M. (1841). Comparison of the sickness, mortality, and prevailing disease among seamen and soldiers, as shown by the naval and military statistical reports. *Journal of the Statistical Society of London*, 4(1), 1–16. <https://doi.org/10.2307/2338034>.

Tulloch, A. M. (1847). On the mortality among Her Majesty's troops serving in the colonies during the years 1844 and 1845. *Journal of the Statistical Society of London*, 10(3), 252–259. <https://doi.org/10.2307/2337701>.

Tulloch, A. M. (1838). On the sickness and mortality among the troops in the West Indies. *Journal of the Statistical Society of London*, 1(7), 428–444. <https://doi.org/10.2307/2337776>.

Warr, P. G. (1994). Comparative and competitive advantage. *Asian-Pacific Economic Literature*, 8(2), 1–14. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8411.1994.tb00091.x>.

Williamson, O. E. (2000). The new institutional economics: Taking stock, looking ahead. *Journal of Economic Literature*, 38(3), 595–613. <https://doi.org/10.1257/jel.38.3.595>.